

А. П. Мартемьянов

Сельское самоуправление во фракийских землях в первых веках н. э.

огласно устоявшемуся мнению, специфика исторического развития Фракии и Нижней Мезии во многом определялась сохранением там, особенно в деревенской местности, унаследованных от более раннего времени прочных общинных традиций [1, р. 252, 344–345; 2, с. 231; 3, с. 90–92, 134–136; 4, с. 302–304; 5, с. 24–25 и др.]. К их числу принято, в частности, относить наличие в селах местного самоуправления [6, с. 18–19; 7, с. 92; 8, с. 110, 112; 9, с. 52–53] — сельских сходов, различного рода совещательных органов и должностных лиц, являвшихся в первых веках н. э. важным низовым звеном провинциальной администрации Римской империи. История подобных учреждений во фракийских землях еще не получила в специальной литературе должного освещения. Имеются, правда, статьи румынских авторов, посвященные квазимуниципальному устройству сел Малой Скифии (совр. Добруджа) [10, р. 211–222; 11, р. 125–136; 12, р. 158–169]. Однако исследования, основанного на результатах анализа свидетельств о сельском самоуправлении на *всей* территории восточнобалканских провинций Рима, до настоящего времени нет. Опыт такого рода обобщения и предлагается в данной статье.

В Нижней Мезии, судя по данным эпиграфики, сельское самоуправление получило широкое распространение на востоке провинции, в Малой Скифии. Из северной, ныне румынской, части Добруджи происходит более 40 надписей, в которых идет или может идти речь о стоявших в главе сел магистрах (или магистратах¹) и квесторах. Правда, не все эти свидетельства представляются в равной мере надежными. Например, говоря о квазимуниципальном устройстве сел Малой Скифии, исследователи отмечают, что упомянутый в надписи II в. н. э. с территории античной Капидавы, найденной в совр. Доробанцу (уезд Констанца) (ISM, V, № 6 = CIL, III, № 12494), М. Коккей Гилус был [mag(ister) vi]ci Hi... [10, р. 215; 11, р. 131; 14, s. 67]. Однако в начале пятой строки этого посвящения, перед уцелевшими буквами *СIHI*, просто нет места для такой реконструкции утраченного фрагмента [ISM, V, р. 28–29, il. 6; cf.: 13, р. 111–112]. В двух других поврежденных надписях (ISM, I, № 329, 343) строки, в которых могло говориться о сельских магистрах, вообще не сохранились, и о возможном их упоминании приходится судить только по аналогии с известными текстами сходного содержания. В некоторых же случаях магистры и магистраты упоминаются, но не указано, что они стояли во главе сел [IGRR, I, № 596; ISM, V, № 15, 268; 15, р. 599–600, 607, fig. 5–6]. Между тем, в Римской империи выборные магистры возглавляли не только *víci*, но и населенные пункты иного типа, например, возникавшие

¹ Вероятно, словами *magister* и *magistratus* (в греческих надписях *μαγιστράτος*) в селах Малой Скифии определялась одна и та же должность [v.: ISM, I, р. 439, 477; ISM, V, р. 47, 95–96, 118; 13, р. 52].

у военных лагерей *canabae* и поселения ветеранов флота — *vici classicorum*, наличие которых в первых веках н.э. в Добрудже также засвидетельствовано источниками [16, Sp. 1452–1453; 17, с. 255–256; 18, р. 110–113, 119; 19, р. 166–167]. Поэтому уверенности в том, что речь в этих текстах идет именно о сельских должностных лицах, нет. Тем не менее, в 35 надписях о магистрах и квесторах сел говорится совершенно определенно. Все они относятся ко II–III вв. н. э., причем самая ранняя из надписей, время появления которых можно определить с точностью до года или нескольких лет (а их более 20), датируется 140, а самая поздняя — 246 г. н. э.

К числу свидетельств о существовании в Малой Скифии сельского самоуправления иногда относят и две эпитафии римских граждан — Г. Юлия Квадрата и М. Атия (или Аттия, см.: ISM, V, р. 26). Фирма, чей статус определяется как *loci principes*. Одна из этих надписей (CIL, III, № 12491 = ISM, V, № 77) датируется II в. н. э., другая (CIL, III, № 772 = ISM, II, № 183 = ISM, V, № 4) — либо также II в. н. э. [ISM, V, р. 26], либо концом I—началом II в. н. э. [ISM, II, р. 210]. Точку зрения В. Пырвана, отождествлявшего понятия *princeps loci* и *magister vici* [v.: ISM, V, р. 103], впоследствии разделили Т. Д. Златковская [20, с. 107–108] и Е. М. Штаерман, полагавшие, что *loci principes* — это «глава села, соответствующий топарху» [21, с. 31]. Сельским магистратом считал его и В. Велков, по словам которого, «принцепс локуса» — это «начальник местного селения (или *поселка* — болг. *селище*)», наподобие кмета в современной Болгарии [22, с. 148]. Однако действительно ли эти *principes* были сельскими должностными лицами, однозначно сказать трудно. Дело в том, что единого мнения по поводу значения обоих составляющих сочетание *loci principes* слов нет. Обстоятельства находки и контекст эпитафий, в принципе, не противоречат тому, что упомянутые в них *loci* могли быть поселениями сельского типа. Вместе с тем, следует учитывать, что термин *locus* мог использоваться применительно к самым различным территориям и населенным пунктам, и многие исследователи полагают, что в Малой Скифии им обозначали не села, а административно-территориальные образования более высокого ранга — возможно, занимавшие промежуточное положение между *vicus* и *municipium* или подобные тем, которые в грекоязычной среде определялись понятием *τόπος* [ISM, II, р. 210; ISM, V, р. 103–104; 10, р. 217–218; 12, р. 160–161; 13, р. 107, п. 796; 23, р. 19–21; 24, р. 188]. Попутно заметим, что и термин *τόπος*, в зависимости от местности, где он употреблялся, мог приобретать различное значение. В птолемеевском и римском Египте так назывались округа, на которые делились области-номы [25, Sp. 1723], в Этолии — небольшие городки [10, р. 217]. А. Б. Ранович считал, что в римской Фракии *τόποι* занимали «промежуточное положение между *κόμη* и *πόλις*» [26, с. 246], а в Пизосской надписи, по мнению Г. Михайлова, слово *τόπος* означает территорию эмпория с принадлежавшими ему полями, пастбищами и т. д. [IGBR, III(2), р. 117]. **Вызывает несогласие и отождествление принцепсов, о которых говорится в эпитафиях, с должностными лицами.** Упоминания о *principes loci* единичны. Однако и в эпиграфических, и в нарративных источниках в сочетании с различными терминами административного и этнического содержания слово *princeps* фигурирует нередко¹, причем, судя по контексту его употребления древними авторами, речь идет не о магистратах, а о лицах, пользовавшихся особым уважением и почетом за их личные достоинства и заслуги. Например, у Плиния Младшего *provinciae principes* Помпей Юлиан — это муж благородный и достойный славы (*magnus et clarus*, v.: Epist., I, 10, 8). Называя *принцепсом* италийского города Альтин Арриана Матура, Плиний имеет в виду его нравственную чистоту (*castitas*), справедливость (или благочестие — *iustitia*), серьезность (*gravitas*) и рассудительность (*prudencia*) (Epist., III, 2, 2). Показательно, что

¹ Добротная сводка таких свидетельств представлена в статье Эм. Попеску [см.: 24, р. 184–189].

Арриан Матур лишен честолюбия (*caret ambitu*) и вследствие этого не достиг в своем городе высокого положения (*Epist.*, III, 2, 4). Упомянутый Плинием в другом письме Клавдий Аристон (или Аристион [v.: 27, p. 171, 407]), по свидетельствам эфесских надписей, в конце I—начале II в. н. э. на протяжении многих лет руководил провинциальным советом и был высшим магистратом Эфеса [см.: 28, с. 341], однако для Плиния, как *princeps Ephesiorum*, это прежде всего «человек, занимающийся благотворительностью и заслуженно пользующийся любовью народа» (*homo munificus et innoxie popularis*, v.: *Epist.*, VI, 31, 3). Принимая во внимание сказанное, большинство специалистов склоняется к мнению, что в этих случаях понятие *princeps* не означает магистратуру, а определяет статус человека, подчеркивает его принадлежность к элите местного общества, будь то *locus*, село (*princeps vici*), муниципий (*princeps municipii*), колония (*princeps coloniae*) и т. п. [ISM, II, p. 210; ISM, V, p. 103–104; 10, p. 218–219; 12, p. 161; 13, p. 106–107, 185–186; 24, p. 184–189; 29, p. 647]. Предполагается также, что в провинциях этот почетный титул мог быть связан с процессом романизации и распространяться на тех автохтонов, которые раньше других получили римское гражданство, и на их потомков [24, p. 189; 30, с. 81, заб. 123]. Развивая эту мысль, на наш взгляд, позволительно допустить, что его могли носить не только представители коренного населения провинций, но и оказавшиеся среди первых в той или иной местности римских граждан уроженцы других земель. Не исключено, что именно первыми в своих *loci* римскими гражданами и были носившие чисто римские имена Гай Юлий Квадрат и Марк Атий Фирм или их предки.

Возвращаясь к надписям, в которых говорится о сельских магистрах и квесторах, отметим, что из десяти сел дошло только по одному упоминанию о них (ISM, I, № 363, 368, 378; ISM, II, № 133, 137, 141; ISM, V, № 56, 115, 222, 233). По два таких свидетельства происходит из *vicus Celeris* (ISM, I, № 351, 352), *vicus Clementianus* (или *Clementianensis*, v.: ISM, II, № 134 = ISM, V, № 92; ISM, II, № 136 = ISM, V, № 93) и *vicus Scenopesis* (ISM, V, № 21, 22), четыре — из *vicus Ulmetum* (ISM, V, № 62–64, 69¹). Чаще всего выборные должностные лица упоминаются в надписях из *vicus Secundini* (ISM, I, № 344–347, 349²) и *vicus Quintionis* (ISM, I, № 324–328, 330–332, 341), находившихся на землях Истрии³.

Данные источников позволяют говорить о существовании в Малой Скифии различных вариантов организации сельского самоуправления. Во главе *vicus Quintionis*, например, стояли два магистра и квестор. Из посвящения, найденного у совр. с. Бабадаг в уезде Тульча (ISM, V, № 233), следует, что аналогичным образом было организовано управление в *vicus Nov(us)*⁴. В *vicus Petra*, следы которого, как полагают, сохранились на месте совр. с. Камена (уезд Тульча), руководство осуществлялось двумя магистрами и двумя квесторами [ISM, V, № 222; 13, p. 95; 33, p. 528–531].

¹ В одном из этих посвящений (№ 64) название села воспроизведено как *vicus Ultinsium*, однако нам представляется убедительной аргументация специалистов, которые усматривают в этом ошибку резчика, неверно передавшего производную от *Ulmetum* форму *Ulmetsium* [v.: 31, p. 311–314; ISM, V, p. 87–88].

² По мнению издателей, существует большая вероятность того, что из *vicus Secundini* происходит еще одна, сильно поврежденная, надпись, в которой упоминаются два магистра (ISM, I, № 342). Правда, полной уверенности в этом нет: название села в сохранившейся части текста не указано, а обстоятельства находки надписи неизвестны [ISM, I, p. 456–457].

³ Точное местоположение *vicus Secundini* не установлено, а *vicus Quintionis*, вероятно, находился на месте совр. с. Синое в уезде Констанца [v.: ISM, V, p. 437, 455–456].

⁴ В свое время Т. Моммзен предположил, что село могло называться *Nov(iodunum)* [CIL, III, № 14448, p. 2670], однако эта версия не нашла у специалистов широкой поддержки [v.: 13, p. 93; 32, p. 163, 172; ISM, V, p. 251].

Нигде больше сельские квесторы *прямо* не упоминаются. Тем не менее, говоря о возможности их наличия и в других селах, видимо, нужно учитывать греческую надпись из совр. с. Истрия (бывш. Каранасуф) в уезде Констанца (ISM, I, № 363), установленную по инициативе трех магистратов (μαγιστράτου) комы, название которой не указано. Разумеется, все эти лица вполне *могли* быть сельскими *магистрами* (см. с. 134, прим. 1). Однако из текста надписи следует, что, возможно, они занимали эту должность одновременно, а подобного совместного управления трех магистров ни в одном селе Малой Скифии не зафиксировано. Вместе с тем, словом magistratus и там, в принципе, могли обозначать *любую* руководящую должность. Заметим также, что, насколько нам известно, в греческих надписях из сел Малой Скифии соответствующее латинскому quaestor слово ταμίας не встречается, а используется исключительно термин μαγιστράτος — возможно, как собирательный для обозначения *каких бы то ни было* должностных лиц. Поэтому, на наш взгляд, не исключено, что под тремя *магистрами* в надписи из с. Истрия подразумеваются два *магистра* и *квестор* [cf.: ISM, I, p. 476]. **Во всех других известных случаях селами Малой Скифии руководили магистры.** В vicus Turris Musa..., находившемся, вероятно, в непосредственной близости от города Томи [ISM, II, № 141; 13, p. 48–49], у кометов ΧΟΡΑΔΑΓΕΙ [34, p. 371, fig. 1A], или ΧΟΡΑ ΔΑΓΕΙ [см.: 35, с. 24, заб. 3], на территории Истрии, а также в vicus Secundini их было по два. **Остальные девять сел, откуда происходят свидетельства о выборных должностных лицах, управлялись одним магистром.** Кстати, представляется вероятным, что *magistri чаще всего возглавляли села и в других областях Империи.* По крайней мере, Фест, характеризуюя vici, упоминает именно об этих должностных лицах (Festus. De verb., 502 Lindsay).

Источники не дают определенного ответа на вопрос, чем могут объясняться отмеченные различия в организации сельского самоуправления. По мнению В. Велкова, они были обусловлены спецификой социального и этнического состава населения сел: например, в vicus Quintionis, судя по надписям, было три основных группы жителей — veterani et cives Romani et Bessi, и, соответственно, там избирали трех должностных лиц. В vicus Secundini проживали **cives Romani et Lai, и это село управлялось двумя магистрами.** В селах же с более или менее однородным населением было достаточно одного магистра [22, с. 148]. Резон в такого рода рассуждениях, несомненно, есть, хотя и следует принимать во внимание то, что в действительности нам не известно, указаны ли в надписях все категории жителей того или иного села или только те, от имени которых совершалось посвящение. Однако, и с учетом этого, прямое соответствие между количеством упомянутых групп населения и числом должностных лиц в селе наблюдается не всегда. Так, из содержания надписи из vicus Nov(us) следует, что в нем проживали cives Romani et veterani, а, между тем, этим селом руководили два магистра и квестор. Напротив, население vicus Ulmetum состояло из cives Romani et Bessi и, тем не менее, управлялось всего одним магистром. Поэтому позволим себе предположить, что различия в организации управления могли быть обусловлены не только, а, может быть, и не столько неоднородностью населения сел, сколько его численностью и обеспеченностью. Очевидно, потребность в избрании двух и более должностных лиц, в том числе казначеев-квесторов, возникла прежде всего в многолюдных и зажиточных селах, тогда как справиться с управлением небольшой деревней мог и один человек. Этим, кстати, может объясняться и наличие, соответственно, двух, трех и четырех должностных лиц в Хорадагей, коме, находившейся у совр. с. Истрия, и vicus Petra. Надписи из этих сел, возможно, потому что они не являются посвящениями, не содержат указаний на этническую или социальную дифференциацию их жителей, зато дают основания полагать, что это были относительно крупные сельские поселения. Во всяком случае, по свидетельствам надписей, в vicus Petra имелась общественная баня (balineum), а в коме у с. Истрия — то ли баня, то ли харчевня, то ли даже общественный туалет

(ἀβιτῶριον¹), что едва ли могло быть характерным для поселков, состоявших из нескольких домохозяйств. Кометы же, проживавшие в Хорадагей, хотя и находились во времена, к которым относится их петиция, в тяжелом положении, видимо, были достаточно многочисленны. В противном случае они вряд ли оказались бы в состоянии обратиться с жалобой вначале к наместнику провинции, а затем и к самому императору, а, главное, утрачивал бы силу решающий аргумент просителей — их готовность переменить местожительство: уход нескольких семей не мог существенным образом сказаться на обслуживании общественной дороги, и рассчитывать на то, что власти удовлетворят их просьбу, сельчанам не приходилось.

Особого внимания заслуживает вопрос об этническом составе сельского руководства, изучение которого позволяет, в частности, расширить представление о роли местного, фракийского, населения в общественной жизни как Малой Скифии, так и Нижней Мезии в целом. Более половины сельских магистров и квесторов, сведениями о которых мы располагаем, носили римские имена. Достаточно активно участвовали в сельском управлении и греки, причем в Хорадагей и в коме у совр. с. Истрия — возможно, селах с преимущественно греческим населением, греками были все известные из источников магистраты. Нередко упоминаются в надписях из сел Малой Скифии и должностные лица фракийского происхождения. На этом основании может сложиться впечатление о широком участии фракийцев в сельском самоуправлении. Однако следует учитывать, что свидетельства о магистратах-фракийцах происходят всего из четырех сел, а в большинстве своем относятся к одному — **vicus Quintionis**. **Надписи из этого села сообщают** имена 15 магистров² и 8 квесторов. Во всех зафиксированных источниками случаях один из двух ежегодно избиравшихся там магистров был фракийцем. Из фракийской среды происходили и квесторы 175 г. н. э. Dotus(?) Zinebti (ISM, I, № 330) и 177 г. н. э. Fronto Bu[?rt]sitsinis (ISM, I, № 332)³. **Всего же в vicus Quintionis из 23 известных должностных лиц фракийские имена носили 10 человек, то есть более 40 %.** Два (ISM, I, № 345, 347) или, если учитывать надпись ISM, I, № 342 (см. прим. 4), три фракийца были магистратами в **vicus Secundini, по одному — в vicus Ulmetum (ISM, V, № 69) и в vicus Scenopesis (ISM, V, № 21).** Между тем, по надписям из 12 других сел известно еще 22 имени должностных лиц и ни одно из них не является фракийским. Следовательно, активное участие фракийцев в местном самоуправлении было характерным далеко не для всех сел Малой Скифии и можно предположить, что оно имело место прежде всего там, где автохтоны фракийских земель составляли значительную часть жителей. Кстати, если о составе населения vicus Scenopesis ничего не известно, то об осязательном присутствии фракийцев в vicus Quintionis, vicus Secundini и vicus Ulmetum надписи, как отмечалось, свидетельствуют совершенно определенно.

Круг полномочий и обязанностей сельских должностных лиц мог быть достаточно широк. В римском Египте, например, комархи распоряжались общественным имуществом села и, частично, его денежными средствами, от имени комы подавали прошения и защищали ее интересы в суде, заключали соглашения об аренде земли, найме рабочей силы и т. п. [36, с. 58]. **Вместе с тем, видимо именно управлявшие селами магистраты несли основную ответственность перед властями за уплату налогов**

¹ О возможных значениях этого слова см.: IGRR, I, p. 202, № 599 comm.; ISM, I, p. 476, № 363 comm.

² Один из них, Элий Беллик, очевидно, занимал эту должность дважды — в 167 (ISM, I, № 327) и 175 (ISM, I, № 330) гг. н. э.

³ С учетом того, что в 176 г. н. э. эту должность занимал Флавий Секунд (ISM, I, № 331), Т. Д. Златковская замечает: «Что же касается квесторов, то с 175 г. на этом посту *ежегодно чередуются то римлянин, то фракиец*» (курсив мой — А. М.) [см.: 20, с. 107]. **Однако, думается, для подобного заключения нет достаточных оснований, так как оно базируется на данных всего за три года, а в других надписях из vicus Quintionis квесторы-фракийцы не упоминаются.**

и несение повинностей их односельчанами [6, с. 45; 36, с. 55–56, 58]. Скорее всего, аналогичным образом обстоит дело и в Малой Скифии. Однако свидетельства источников о том, чем занимались там сельские должностные лица, в основном однотипны. В большинстве своем это сделанные при их участии посвящения, и прежде всего высшим божествам официального римского пантеона — Юпитеру Наилучшему Величайшему и Юноне Царице на благо (pro salute) правящих императоров, а иногда также и односельчан и домочадцев магистратов. Среди других божеств, к которым они обращаются от имени своего села, фигурируют Нимфы и Сильван (ISM, I, № 325), Геркулес Непобедимый (ISM, I, № 324) и Церера Плодоносная (или Урожайная — Ceres Frugifera, v.: ISM, V, № 56). В ряде случаев магистраты особо подчеркивают, что посвящения были сделаны на их собственные средства (ISM, II, № 133, 134 (= ISM, V, № 92), 136 (= ISM, V, № 93), 137; ISM, V, № 22, 62–64, 69). Вероятно, это обусловлено тем, что такие алтари устанавливались и на коллективные деньги сельчан. Косвенным подтверждением возможности наличия в селах общественной казны, которой заведовали магистры или там, где они имелись, квесторы, может служить надпись из vicus Celeris (ISM, I, № 352 = ISM, II, № 371). Из нее следует, что некое лицо, имя которого не сохранилось, оставляет селу 75 денариев, с тем чтобы там под руководством магистров ежегодно совершали популярный в первых веках н. э. во фракийских землях обряд розалий [о Rosalia в Нижней Мезии и Фракии см.: 37, с. 105–110; 38, с. 21–31; 39, с. 157–165]. Поскольку эти деньги предполагалось использовать постепенно, можно допустить, что они были внесены в сельскую казну, откуда, по мере необходимости, и расходовались. Информации о том, в чем заключались функции сельских должностных лиц Малой Скифии, помимо организации коллективных посвящений, немного, но она достаточно показательна. Так, магистраты комы Хорадагет от имени односельчан подписывают копию их петиции, адресованной императору и провинциальному наместнику, а также резолюции на это прошение (ISM, I, № 378, vss. C21–24), из чего следует, что они были правомочны представлять свое село в отношениях с римскими властями. В обязанности сельских магистратов, по всей вероятности, входило и руководство работами по возведению новых и ремонту старых общественных построек. По крайней мере, именно магистры и квесторы упоминаются в связи с тем, что в vicus Quintionis было отстроено какое-то общественное здание (auditorium), возможно — сельской управы (ISM, I, № 324, p. 439), а vicani Petrenses построили себе баню (ISM, V, № 222). Особо же отметим надпись из комы у совр. с. Истрия (ISM, I, № 363). В ней сообщается, что Дионисий и Геродор, сыновья Сатириона, и Артеמידор, сын Дионисия, то ли построили, то ли привели в порядок для своего села ἀβιτῳρίον (см. с. 138, прим. 1): τὸ ἔργον τοῦ ἀβιτῳρίου κατεσκευάσαν, причем сделали это на собственные средства (ἐκ τῶν ἰδίων), в благодарность за избрание их магистратами (ὑπὲρ μαγιστράτης). Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что, несмотря на, видимо, достаточно широкий круг обязанностей, находиться во главе села было для них престижно, а, возможно, и выгодно.

На основании приведенных данных может сложиться впечатление о достаточно широком распространении сельского самоуправления в Нижней Мезии. Однако свидетельств о нем, происходящих из-за пределов Малой Скифии, чрезвычайно мало. К их числу с уверенностью можно отнести всего две надписи из западной части провинции, причем обе они относятся к одному и тому же селу — vicus Trullensium, руины которого, предположительно, находятся у совр. с. Кунино Романской общины в области г. Монтана [40, с. 557–565; IGBR, II, p. 34; ILBR, p. 86. Ср.: 41, с. 38–42; 42, с. 75]. Это посвящения Юпитеру Наилучшему Величайшему на благо правящих императоров, сделанные от имени односельчан двумя магистрами. Одно из них датируется 161–169 или 198–209 гг. н. э. (ILBR, № 180, p. 87), другое (ILBR, № 183 = IGBR, II, № 503) — второй половиной II в. н. э. [43, прил. 2, № 195]. Судя по надписям, найденным в с. Кунино и его окрестностях, vicani Trullenses различались между собой

и по этнической принадлежности (они носили и римские, и греческие, и фракийские имена), и по роду занятий (IGBR, II, № 503–508; ILBR, № 180, 181, 183). Особое внимание обращает на себя присутствие в vicus Trullensium целой группы мастеров работы по камню (lapidarii), возможно, переселившихся туда из восточных областей Империи [43, с. 90–91]. Складывается ощущение, что vicus Trullensium являлся довольно многолюдным, большим поселением¹, и, если это было действительно так, наличие в нем двух магистров подтверждает предположение о том, что число выборных должностных лиц могло определяться величиной села и особенностями этнического состава его населения.

Не исключено, что вне Малой Скифии находилось и село, магистром которого был некий Burtinus², в 153 г. н. э. совместно с сыном Деметрием сделавший посвящение Iovi Optimo Maximo et Iunoni Reginae pro salute Imperatoris... et pro salute vici et sua et suorum (CIL, III, № 7466). Правда, Буртин называет себя гражданином Томи, и можно предположить, что речь идет о селе, расположенном на территории этого города. Однако сделанное им посвящение обнаружено более чем в 150 км от Томи — в окрестностях совр. г. Шумен. Разумеется, в принципе, надпись могла быть перевезена и на такое расстояние, но, на наш взгляд, резоннее допустить, что упомянутый в ней vicus находился все же, скорее, в тех местах, где был найден алтарь и куда Буртин мог перебраться, оставаясь гражданином Томи.

Этими тремя надписями круг упоминаний о самоуправлении в селах Нижней Мезии за пределами Малой Скифии, фактически и ограничивается. Иногда к нему также относят и посвящение конца II—начала III в. н. э. Юпитеру Наилучшему Величайшему и Юноне Царице, найденное в с. Криводолска Махала (ныне квартал г. Криводол), примерно в 20 км от руин римского города Монтана, так как его автором является Аврелий Викторин, *princeps vici* Tautiomas [см.: 46, с. 201–203, № II, обр. 4; 47, с. 31, № 62]. Однако, как отмечалось, термин *princeps* в подобном контексте вполне мог обозначать социальный статус человека, а не выборную должность.

Что же касается территории римской Фракии, то там свидетельств о сельских должностных лицах не обнаружено вообще. Единственное, что дает почву для рассуждений о возможности существования сельского самоуправления на землях к югу от Балканских гор, это содержащиеся в четырех надписях с территории Филиппополя и Сердики упоминания о *κομαρχιαх*. В Малой Азии термином *κομαρχία* обозначали руководство селами, осуществлявшееся сельскими старостами — *κομαρχами* [48, Sp. 971]. Возможно, именно на этом основании Е. С. Голубцова считала деревенскими «коллективными органами управления» и *κομαρχии*, о которых говорится в надписях из Фракии [9, с. 137]. «Коллективными органами самоуправления» сел называет их и М. Тачева [49, с. 167, 183]. Однако данную точку зрения разделяют не все исследователи. М. И. Ростовцев усматривал во фракийских *κομαρχιαх* *совокупность некоторого числа деревень* [50, с. 225]. Впоследствии эту мысль поддержал и развил Б. Геров, по мнению которого во Фракии в первых веках н. э. *κομαρχίαи* были *объединениями нескольких соседних сел*³, как правило, небольших, тогда как более крупные

¹ Такое допущение соответствует и характеру обнаруженных в местности Градиште у с. Кунино следов древнего поселения, достигшего своего расцвета во II—III вв. н. э. [см.: 40, с. 560–565]. Однако его систематические раскопки, насколько нам известно, не предпринимались, и пока они не будут проведены, говорить определенно о том, было ли это поселение селом и, тем более, vicus Trullensium, не приходится.

² Специалисты считают это имя германским или фракийским [см.: 44, с. 387; 45, с. 128].

³ За пределами Фракии, насколько нам известно, слово *κομαρχία* в этом смысле не использовалось. Зафиксированные же источниками объединения сел в Греции и Малой Азии и в доримское время и в первых веках н.э. назывались иначе — трикомиями, тетракомиями и пентакомиями [см.: 48, Sp. 951, 955, 964; 51, с. 135, 143; 52, с. 28–29; 53, p. 1017].

κώμαι могли иметь собственное самоуправление, возможно, также именовавшееся комархией [30, с. 108–110; 54, S. 484]. Относительно недавно, ориентируясь на представление о комархии как «административно-территориальном объединении нескольких сел» [55, с. 186], попытку локализовать земли одного из таких объединений — Бендипары, предпринял В. Динчев [56, с. 19–21].

Таким образом, суждения о том, чем являлись κώμαρχιαι во Фракии — сельскими органами управления или объединениями сел, расходятся. Ни один из названных авторов аргументации своего мнения не приводит, однако, думается, отмеченные расхождения во многом обусловлены характером надписей из фракийских земель, в которых упоминаются комархии. Чтобы получить представление о том, насколько обоснованы приведенные трактовки понятия κώμαρχια, обратимся непосредственно к этим текстам.

Две надписи, свидетельствующие о комархиях, обнаружены у с. Туден в общине Годеч Софийской обл., где в древности, в 40–50 км от Сердики, находились фракийское село и, предположительно, святилище [IGBR, IV, р. 105]. Эти, вырезанные на постаментах мраморных статуй Зевса и Геры, тексты однотипны: Κυρίῳ Διὶ αὐτῷ ἢ κώμαρχια / εὐχὴν (IGBR, IV, № 2043); Κυρίῳ Ἡρᾷ ἢ κώμα/ρχια εὐχὴν (IGBR, IV, № 2044). Специфика контекста употребления слова κώμαρχια в обоих случаях заключается в том, что оно не сопровождается ее названием. Данное обстоятельство может объясняться только тем, что установить статуи в соответствующем месте, например, в упомянутом святилище, могла лишь какая-то одна комархия. Следовательно, ответ на вопрос, что она собой представляла, во многом зависит от того, кому принадлежало это святилище: если одному селу, то, очевидно, речь идет об органах его управления, если же группе ком, то, вероятнее, имеется в виду территориальное объединение. Источники об этом не информируют, и гипотетически допустимыми представляются оба варианта. Можно, правда, предположить, что оплатить, по меньшей мере, несколько мраморных изваяний, в том числе хорошей работы [v.: IGBR, IV, tab. 55, 56], было под силу, скорее, нескольким селам, чем одному. Однако такая аргументация для уверенного заключения о принадлежности святилища объединению сел представляется явно недостаточной. Поэтому судить определенно о значении интересующего нас термина по данным надписей из с. Туден не представляется возможным.

Больше информации для рассуждений о смысле понятия κώμαρχια содержится в надписях, найденных в руинах древнего поселения на месте совр. г. Хисаря [IGBR, III(1), р. 230, 232]¹, в 30–40 км севернее античного Филиппополя. В первой из них, датируемой временем правления Александра Севера, в частности, говорится: ... [Κ]ώμαρχια Ζερκλή/[ν]ῆ καὶ κώμαρχια Ζη/βαστῆνι εὐχαρί/στοῦμεν διὰ κωμητῶν/Врептопарων καὶ/Μωσοπτηνων <εὐχαρί/στοῦμεν> Αὐρηλίω/Καρδενθη Βειθυτικοῦ [ἢ] /γενομένῳ φυλάρχῳ/φυλῆς Ἐβρηίδος... (IGBR, III(1), № 1473, vss. 4–13). Как видим, κώμαρχιαι благодарят филарха через жителей двух сел, и наиболее естественное, на наш взгляд, объяснение такого посредничества может заключаться в предположении, что эти села входили в состав упомянутых комархий. Вторая надпись относится к концу II—началу III в. н. э. [30, с. 106, заб. 353] и, как и первая, содержит упоминание о комархии в связи с благодарностью, которую кометы выражают филарху: Ἀγαθῆι τύχηι/κώμαρχιας Εἰ/τριζηνης./Κωμηται Ε(ι)τρ/ιζηνοι καὶ κω/μηται Γειζαγη/ρηνοι καὶ κω/μηται Βδεκυ/ρηνοι εὐχαρί/στοῦσιν Αἰμιλι/ῳ Βειθυι φυλαρ/χῆσαντι κατὰ/τοὺς νόμους/ἀγνώως καὶ δ[ι] /καίω[ς- - -] (IGBR, III(1), № 1474). В принципе, и в этой редакции текст не противоречит гипотезе о *территориальном* характере комархий во Фракии. Однако представляется вполне допустимым и то, что точка, которую Г. Михайлов, учитывая имеющиеся аналогии, предпочел поместить после третьей строки, по замыслу авторов надписи

¹ Тексты приводятся в редакции, предложенной Г. Михайловым. О возможных расхождениях в прочтении названий сел и комархий см.: IGBR, III(1), р. 231–232.

могла находиться в конце первой [v.: IGBR, III(1), p. 232; cf.: IGRR, I, p. 242, № 728]. При таком варианте пунктуации начало текста обретает следующий вид: Ἀγαθῆι τύχηι./Κομαρχίας Εἰ/τριζήτης/κομηται... (В добрый час. *Комархии Эйтфридзены кометы...*), и, соответственно, становится *прямым* свидетельством вхождения перечисленных сел в комархию, носившую то же название, что и одно, возможно, самое значительное, из них.

Таким образом, обращение к надписям из г. Хисаря позволяет отдать предпочтение мнению М. Ростовцева и Б. Герова. Вместе с тем, на наш взгляд, не следует исключать *возможность* употребления во фракийских землях термина κομαρχία и для обозначения сельского самоуправления. Так, могло иметься немало причин, по которым *руководства ком* Дзерклена и Дзебастана (IGBR, III(1), № 1473) предпочли для вынесения благодарности филарху воспользоваться посредничеством других сел; древнее святилище у совр. с. Туден, как отмечалось, могло принадлежать *одному* селу и, в таком случае, статуи Зевса и Геры были установлены там от имени *его комархов* и т. д. Кстати, о том, что во Фракии могла существовать должность комарха, свидетельствует вполне допустимый вариант прочтения второй строки надписи, найденной на территории античной Пауталии, у совр. с. Таваличево в общине Кюстендил: Κυρίῳ Σεβαζίῳ / ἐπὶ κομάρχῳ], т. е. посвящение Сабазию сделано *в присутствии комархов*, имена которых приводятся ниже (v.: IGBR, IV, p. 177, № 2196; tab. 107).

Так или иначе, чем бы ни являлись κομαρχίαι в римской Фракии, их наличие засвидетельствовано лишь в двух местах и, следовательно, не может определяющим образом повлиять на то, как выглядит в свете данных *имеющихся* источников общая картина распространения в восточнобалканских провинциях сельского самоуправления. Подавляющее большинство упоминаний о нем происходит из Северной Добруджи. Между тем, эта территория составляла лишь небольшую часть фракийских земель. Доказательное объяснение столь очевидной неравномерности в распределении свидетельств о квазимуниципальном устройстве сел, предложить трудно. Правда, Фест, характеризуя *vicī*, определенно указывает, что *некоторые из них имели общественное устройство и выборное руководство, а некоторые — нет* (ex vic[t]is partim habent rempublicam et ius dicitur, partim nihil eorum, v.: Festus. De verb., 502 Lindsay). Однако надо полагать, что это наблюдение относится, скорее, к различным категориям сел, чем к целым областям и даже провинциям Римской империи. Разумеется, можно предположить, что существование в селах местных органов власти было характерным, прежде всего, для наиболее романизированных или эллинизированных районов. Но как в таком случае объяснить то обстоятельство, что *все* свидетельства о сельских должностных лицах Малой Скифии относятся к ее северной части, тогда как на территории южной, ныне болгарской, Добруджи их не обнаружено *вообще*? Поэтому, на наш взгляд, скудость данных о самоуправлении сел Фракии и Нижней Мезии за пределами Малой Скифии во многом может быть обусловлена *недостаточной изученностью* деревенских поселений первых веков н.э. на территории современной Болгарии [ср.: 55, с. 185–186, 191–197], что существенно ограничивает возможности изучения истории сельской жизни фракийских земель в римское время¹.

Ключевые слова: Фракия, Нижняя Мезия, сельское самоуправление, комархия (κομαρχία).

¹ Представляется также вполне вероятным, что не все обнаруженные болгарскими учеными надписи, которые содержат информацию о сельском самоуправлении, к настоящему времени введены в научный оборот. Не исключено и то, что некоторые публикации остались нам просто неизвестными. Автор будет признателен читателям, которые сочтут возможным сообщить ему об этом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. — Oxf., 1957. — 2nd ed. — Vol. 1.
2. *Штаерман Е. М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. — М., 1957.
3. *Златковская Т. Д.* Возникновение государства у фракийцев. VII—V вв. до н. э. — М., 1971.
4. *Велков В.* Поземлени отношения в Мизия и Тракия//История на България. — София, 1979. — Т. 1.
5. *Порожанов К.* История на траките в историята на стария свят. Принципи постановки и проблеми//Минало. — 1996. — Кн. 4.
6. *Штаерман Е. М.* Древний Рим: проблемы экономического развития. — М., 1978.
7. *Штаерман Е. М.* Еще раз к вопросу о римской сельской общине//ВДИ. — 1978. — № 2.
8. *Першиц А. И., Трайде Д.* Община//Социально-экономические отношения и соционормативная культура/Отв. ред. А. И. Першиц и Д. Трайде. — М., 1986.
9. *Голубцова Е. С.* Община, племя, народность в античную эпоху. — М., 1998.
10. *Munteanu M.* Cu privire la organizarea administrativă a teritoriului Capidavens (sec. I—III)//Pontica. — 1970. — Т. 3.
11. *Munteanu M.* Despre magistraturile sătești din Dobrogea Romană (sec. I—III e. n.)//Pontica. — 1971. — Т. 4.
12. *Avram A.* Observații cu privire la autonomiile rurale din Dobrogea romană (secolele I—III e. n.)//SCIVA. — 1984. — Nr. 2.
13. *Bărbulescu M.* Viața rurală on Dobrogea romană (sec. I—III p. Chr.).—Constanța, 2001.
14. *Mrozewicz L.* Rozwój ustroju municypalnego a postępy romanizacji w Mezji Dolnej. — Poznań, 1982.
15. *Barnea A.* Trei altare inedite de la Tropaeum Traiani//SCIV. — 1969. — Nr. 4.
16. *Schulten.* Canabae//RE. — 1899. — Hbd. 6.
17. *Иванов Р.* Долнодунавската отбранителна система между Дортикум и Дуросторум от Август до Маврикий. — София, 1999.
18. *Suceveanu Al., Zabariade M.* Un nouveau “vicus” sur le territoire de la Dobroudja romaine//Dacia. N. S. — 1986. — Т. 30.
19. *Suceveanu A.* Contribuții la cunoașterea satului dobrogean din epoca romană//SCIVA. — 2001–2002. — Т. 52–53.
20. *Златковская Т. Д.* Мезия в I и II веках нашей эры (К истории Нижнего Дуная в римское время). — М., 1951.
21. *Штаерман Е. М.* Мораль и религия угнетенных классов Римской империи (Италия и Западные провинции). — М., 1961.
22. *История на Добруджа.* — София, 1984. — Т. 1.
23. *Florescu Gr., R. Florescu și P. Diaconu.* Capidava. Monografie arheologică. — București, 1958. — Vol. 1.
24. *Popescu Em.* Aspecte ale colonizării și romanizării on Dacia și Scythia on lumina unor inscripții din Muzeu Bucureștene//Studii clasice. — 1967. — Т. 9.
25. *Kortenbeutel H.* Τόπος//RE. — 1937. — Hbd. 12.
26. *Ранович А.* Восточные провинции Римской империи в I—III вв. — М.; Л., 1949.
27. *C. Plini Saecili Secundi* Epistularum libri novem, Epistularum ad Traianum liber, Panegyricus/Rec. R.C. Kukula. — Lipsiae, 1908.
28. *Письма* Плиния Младшего. Кн. I—X/Изд. подг. М. Е. Сергеенко, А. И. Доватур. — М., 1983.
29. *Cagnat R.* Princeps//DA. — Т. 4. — P. 1.

30. Геров Б. Земевладението в римска Тракия и Мизия (I—III в.)//ГСУ. Факултет по класически и нови филологии. — 1977 (Вых. 1980). — Т. 72. — Кн. 2.
31. Russu I. I. Vicus «Ultinsium»//SCIV. — 1957. — Nr. 1–4.
32. Vulpe R., Barnea I. Romanii la Dunărea de Jos. — București, 1968.
33. Aricescu A. Adnotări epigrafice (2)//SCIV. — 1976. — Nr. 4.
34. Stoian I. De nouveau sur la plainte des paysans du territoire d’Histria//Dacia.— 1959. — Т. 3.
35. Мартемьянов А. Положението на селяните в Долна Мизия и Тракия през първите векове от новата ера//Списание на Българската академия на науките. — 2008. — Кн. 4.
36. Павловская А. И. Элементы общинной организации в египетской коме IV в. н. э. //ВДИ. — 1978. — № 4.
37. Годоров Я. Паганизъмът в Долна Мизия през първите три века след Христа. — София, 1928.
38. Златковская Т. Д. К проблеме самобытности фракийской культуры в римское время//ВДИ. — 1981. — № 4.
39. Шопова И. Към проблема за празника Rosalia и култа на Дионис в провинция Долна Мизия//Seminarium Thracicum. 3. Първи академични четения в памет на академик Гаврил Кацаров. — София, 1998.
40. Велков И. Vicus Trullensium//Изследвания в чест на акад. Д. Дечев. — София, 1958.
41. Александров Б. Vicus Trullensium//Известия на Историческия музей — Ловеч. — 1996. — Т. 2.
42. Манов М. Отново за Vicus Trullensium//Археология. — 2001. — Кн. 3–4.
43. Гачева М. Ролята на преселниците от Мала Азия, Сирия и Египет в икономическия и културния живот на Долна Мизия и Тракия през I—III в. Дис. ... канд. на ист. науки. — Велико Търново, 1968.
44. Геров Б. Романизъмът между Дунава и Балкана. Ч. 2//ГСУ. Филологически факултет. — 1952–1953. — Т. 48.
45. Minikova M. The Personal Names of the Latin Inscriptions in Bulgaria. — Frankfurt a. M.; B.; Bern; Bruxelles; N. Y.; Wien, 2000.
46. Венедиков Ив. Два новооткрити паметника за религията на траките през римската епоха//ИБАИ. — 1955. — Т. 19.
47. Велков В., Александров Г. Епиграфски паметници от Монтана и района. — Монтана, 1994.
48. Swoboda. Κώμη//RE. Suppl. — 1924. — Bd. 4.
49. Гачева М. История на българските земи в древността. Развитие и разцвет на робовладелското общество. — София, 1987 (2-е изд. — 1997).
50. Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи. — М., 2000. — Т. 1.
51. Голубцова Е. С. Сельская община Малой Азии. III в. до н. э.—III в. н. э. — М., 1972.
52. Голубцова Е.С. Роль социальной среды в жизни крестьянина//Среда, личность, общество. Доклады конференции. — М., 1992.
53. Greek-English Lexicon//Comp. by H. G. Liddell and R. Scott. — Oxf., 1996.
54. Gerov B. Zur inneren Organisation des römischen Thrakiens//Studia in honorem Veselini Beševliev. — Sofia, 1978.
55. Динчев В. Селата в днешната българска територия през римската епоха (I—края на III век)//Известия на Националния исторически музей. — 2000. — Т. 11.
56. Динчев В. Бендипара — първата точно локализирана комархия в римска Тракия //Минало. — 1996. — Кн. 1.

Резюме

Мартем'янов О. П. Сільське самоврядування у фракійських землях в перших століттях н. е.

Важливою рисою соціального та економічного розвитку Фракії та Нижньої Мезії було збереження там міцних общинних відносин. Статтю присвячено аналізу свідочтв історичних джерел про таку їх ознаку, як сільське самоврядування. Автор доходить висновку, що його існування було характерним головним чином для Малої Скіфії (сучасна Добруджа). На решті території фракійських земель свідочтв наявності у селах місцевого самоврядування виявлено вкрай мало. На думку автора, це може пояснюватися не тільки різним станом романізації окремих районів східнобалканських провінцій Римської імперії, а й недостатньою дослідженістю тієї її частини, яка зараз входить до складу Болгарії.

Ключові слова: Фракія, Нижня Мезія, сільське самоврядування, комархія (κωμάρχια).

Summary

A. Martemyanov. Village Local Government in the Thracian Lands in the First Centuries A.D.

An important aspect of the social and economic development of the Thrace and Lower Moesia was the continuing of the communal relations. The article is devoted to the research of the data of the historical sources about the village local government in the Thracian lands in the Roman time. The results of this analysis testify that the existence of the self-government in the villages was typical mainly of Scythia Minor. In the rest area of the East-Balkan provinces of the Roman Empire only a few inscriptions with the mentions of the village direction are founded. In author's opinion it may be explained in particular by the fact that the present-day Bulgarian part of the ancient Thracian lands is studied not enough.

Key words: Thrace (Thracia), Lower Moesia (Moesia Inferior), village self-government, komarchia (κωμάρχια).

